

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 4.

¹⁹ Там же.

²⁰ Сазанов И. Д. Дома. С. 25.

²¹ Там же. С. 5.

²² Сазанов И. Д. На Дону. С. 10.

²³ Там же. С. 9–10.

²⁴ Там же. С. 1.

²⁵ Там же. С. 3.

С. В. Голикова

Екатеринбург

РИТОРИКА «ЭТНИЧЕСКОГО» В ПОВЕСТИ А. КИРПИЩИКОВОЙ «ПОРЧЕНАЯ» (НА ПРИМЕРЕ РЕКРУТСКОГО ОБРЯДА)

В «перестроечное» время — речь идет о той, первой перестройке в ходе Великих реформ — в 1865 г. в прогрессивном журнале «Современник» появляется повесть автора из уральской глубинки «Порченная»¹. Уже ее название отсылает не просто к этническому, а к народному, причем к той его части, которая аудиторией этого издания, безусловно, отнесена к разряду суеверий. А. Кирпищикова хорошо знает жизнь своих героев: «этнические» детали «разбросаны» по всему тексту. При этом она не «выписывает» материальный быт, не умиляется народным празднествам. Русскость в ее западноуральском варианте (действие происходит в округе завода «Горки» (Чермозского), расположенного в Соликамском уезде Пермской губернии) показана именно через деталь. Исключение составляют народные верования, сфера духовной и эмоциональной жизни женщины «из народа» и... рекрутский обряд. Ему придается особое значение, поскольку душевный надлом главной героини Насти начался с известия об отправке ее мужа Петра на службу в армию. На фоне проводов разворачивается первый акт жизненной драмы этой жительницы горнозаводского Урала.

В русской литературе мало найдется произведений, в которых уходу на действительную службу уделено так много страниц. Согласно исследованию Ж. Корминой, сведения о рекрутской обрядности, да и то «внутри» более «общих» этнографических описаний, встречаются с середины XIX в. Первые описания «проводов рекрутов» на Урале появились параллельно с повестью в 1865–1866 гг. в «Пермских губернских ведомостях»: публикации И. В. Шерстобитова «Описание быта государственных крестьян, живущих в Чердынском уезде по правую сторону реки Камы»², Н. Саламалик «Село Черновское»³, А. Зырянова «Выдержки из дорожных записок 1865 года»⁴. Следовательно, произведение

Кирпищиковой вышло в свет на раннем этапе сбора материала об этом обряде и задолго до публикаций в конце XIX в. специальных работ, посвященных проводам в армию. Этот литературный текст появился до формирования научного алгоритма описания самого обряда. В данных условиях весьма заманчиво сравнить литературу с этнографией. Причем сопоставление может быть двухуровневым: с уральским вариантом и с инвариантом русской рекрутской обрядности, выявленным в работах представителей семиотического направления А. К. Байбурина, Т. Б. Щеланской и А. В. Корминой⁵. Сравнение способов построения прозаической художественно-выразительной речи с приемами аналитического описания может быть полезно и для филологической дисциплины риторики (например, для определения степени правдоподобия, выявления композиционных приемов автора), и для исторической герменевтики (например, для прояснения смысла обрядовых действий).

По этнографическим публикациям, рекрутский обряд 1860-х гг. на Урале предстает в следующем виде. «Получивший жеребей, — начинает описание И. В. Шерстобитов, — считается уже рекрутом, видимо падает духом и теряет всякую охоту к занятиям домашними работами», каждый день катается на лошадах «с колокольцами при оглушительных песнях девок, молодых его товарищей и родных». «Подобной дружеской кавалькадой отправляются к кому-либо из родных на приготовленный обед. В день отправки рекрут, наряженный в лучшую одежду, садится с раннего утра за стол и сидит как жених; собираются родные и знакомые, начинается обед, по окончании все молятся и начинаются последние напутствования: падает в ноги отцу, который благословляет его иконой. Принявший благословение с горькими слезами бросается на грудь плачущего отца, который с теплой любовью родителя крепко сжимает в своих объятиях сына, и долго-долго, покачиваясь, отец и сын плачут навзрыд, дав полную волю растроганным чувствам. Долгим поцелуем заканчивается это сердечное излияние. Падает в ноги к матери, та благословляет его иконой. Перекланившись всем родным в ноги, садится на лавку, наклоняется на столешницу лицом и плачет, повалившись сыну на спину, отец и мать тоже плачут, причитая. Вставши, и еще раз получив благословение, выходит с разными суеверными замечаниями на улицу к саням. Наклоняется к одной из передних ног заложенной в сани лошади. Усевшись в сани, едет с громким плачем родных. При выезде из селения вдруг поезд останавливается, рекрут, осмотревшись, объявляет, что забыл платок или рукавицу или шапку, воротается в дом пешком...»⁶ Манипуляции перед лошадью тоже были суеверной приметой — окружающие примечали: «если животное переступит, то рекрут будет дан в службу»; если «не пошевелится», то не будет и вернется домой.

А. Зырянов отмечает: чтобы «забыть свое горе-заботу», «сердешные» напивались пьяными «спозаранку»⁷. Описывает он также родственную взаимопомощь в форме гостевания и прощания рекрутов: «С раннего утра отправляются по всем своим родным для прощания и у всех у них подолгу сидят

за столом и угощаются вином и яствами и вечером уже или поздно ночью возвращаются домой и за ними собираются все родные и соседи и опять усаживаются за стол». После прощального застолья в доме рекрута, по наблюдениям автора, «все встают на ноги и все молятся Богу пред иконой, у которой прежде еще засвечена и теплится свеча; поклоны делаются земные». Уходящий на службу «прощался со всеми, кланяясь им в ноги и целуя по несколько раз в губы каждого, приговаривая: “прощайте, не поминайте лихом”». Родственники делали ему подарки: «кто чем сможет, то есть деньгами, холстами, рубашками, портами, носками, нитками». Помещение в это время бывало «битком набито любопытствующими соседями и соседками»⁸.

В повести Кирпищиковой чувства и поступки действующих лиц «вписаны» в сценарий ритуала проводов. Однако автору нужно было раскрыть «женскую тему» (поскольку главная героиня Настя) в пространстве мужского ритуала. Выполнение чисто художественной задачи привело к необычному взгляду на обряд отправления. Писательница рассматривает его в таком ракурсе, в котором никто до нее (а, насколько нам известно, и позже) не описывал. Типичный рекрут — холост, поэтому вся обрядность сосредоточена в доме его родителей. В повести отправляющийся на службу герой женат (на главной героине), поэтому текст приходится строить, учитывая роль в ритуале приемных родителей Петра и факт его женитьбы на сироте Насте и уход к ней в дом (специфический вариант «примачества» в неолокальном браке).

Проводы наступали с известия о получении жребия, когда становилось ясно, что отправки на службу молодому человеку не избежать. Муж Насти узнал свою «участь», встретив приемного отца Спиридона после выборов. Он был оглушен новостью: «но вряд ли что слышал Петр...» (189). С этого же момента в тексте начинается тема слез: «Петр плакал, Спиридон тоже утирал глаза кулаком» (188–189). Исследователи обряда давно заметили, что рекрут «поразительно не по-мужски слезлив — если не в действительности, то, по крайней мере, в саморепрезентациях». По наблюдениям этнографов, проводы в армию являются, видимо, «единственным случаем, когда мужчине давалось право прилюдно плакать и вообще как-то выражать свои эмоции»⁹. Аналогичным образом весть об уходе родственника воспринимается его ближайшим окружением и в повести Кирпищиковой: «...прибежала Власьевна и завывала громче всех, складно причитая к Петру, как к покойнику». Реакция Насти была запредельно эмоциональной: «У ворот их встретила Настя, бледная как мертвец, и с громким воплем кинулась на шею к мужу. <...> Петр почти на руках внес свою жену в избу; он плакал, громко всхлипывая, выл Спиридон...» (189).

Обращает на себя внимание детальная репрезентация этой эмоции в повести. «Настя просидела над ним со слезами всю ночь; она смочила слезами его темные, слегка выющиеся волосы и уж утром отошла от его постели, — сообщает Кирпищикова о бдении героини над спящим мужем, вернувшимся из

гостей пьяным (189–190). «...Может быть на твои-то слезы и сжались», — говорит ей подруга Дарья, советуя «отпросить» Петра у приказчика (190). Сам Петр, когда проснулся и вспомнил о случившемся, вдруг зарыдал и признался: «Ох, Дарьюшка, тяжко» (191). Отправляясь в очередной раз в гости, уже «Настя вдруг громко зарыдала и припала к груди мужа» (192). Завершается рассказ о проводах опять слезами: «...они выехали из городу и грустно поплелись домой. И всю-то дорогу на обоих санях раздавались горькие рыдания и тяжелые стоны: плакала Тимофеева жена о своем милом сыне, тяжело стонала Настасья, возвращаясь в свою опустелую избу» (196).

Помимо эмоций статус уходящего показан в тексте посредством особого поведения. У него резко менялся характер деятельности. Сходку о наборе рекрутов приказчик закончил следующими словами: «...объявите им, что с сего числа они увольняются от работы, пусть погуляют напоследках и отдохнут, а к пятнадцатому числу... надо их представить в город» (188). В исследованиях также отмечается право молодых людей на праздность. Особое положение подчеркивалось и костюмом, который тоже был праздничным: «Он спросил у Насти чистое белье, надел новый кафтан, сапоги, взял новую шляпу...» Изменения внешнего облика найдут свое продолжение при описании рекрутского присутствия. Непосредственным свидетельством годности к службе станет перемена прически и костюма: «Всем сказали “лоб”, ни одного не забраковали. С обмундировкой тоже покончили скоро» (195).

В начальном же эпизоде проводов происходит плавный переход от слез к теме пьянства и гостевания: «Спиридон не мог долго выдержать этого реву и убежал в кабак за штофом водки. Принесли водку, он выпил сам и подал Петру стаканчик. — Пей, говорил он ему: — пей, легче будет; ты теперь у нас гость и мы тебя должны поштовать. Петр не отговаривался и выпил. Спиридон налил еще и опять подал Петру...» (189). Пьянство рекрутов было их отличительной особенностью. Рекруты — всегда пьяные. Им следует, по мнению окружающих, постоянно быть пьяными или навеселе. В источниках часто сообщалось, что рекрута считали необходимым поить даже против его воли. В повести именно эмоциональное состояние героя приводит к пьянству: Петр «выпил опять, и у него как будто отлегло от сердца». И далее: от взгляда жены «ему становилось жутко. Он едва выдерживал; то ему хотелось удариться головой об стену, то зареветь во все горло. Порешил же он, что всего лучше напиться до бесчувствия» (189).

Пьянство же выступает в качестве повода отправиться по гостям. «В сумерках забежал Назар и стал звать Петра и Настю в гости», — рассказывает Кирпищикова о сводном брате Петра, которого тот «освободил» от жребия. «Иди, Петрушка, говорил он ему ласково, посиди с нами, побай, все же на людях-то веселее; молодухка! Идите вместе, обратился он к Настасье. Ладно, будем, сказал Петр, что дома сидеть, дома мне теперича во как скучно, потому я всего этого должен лишиться». Исследователи подчеркивают, что в процессе

ритуала проводов рекрут из активного становится пассивным и беспомощным. Перестает даже передвигаться самостоятельно. В повести пассивность предстает как естественное последствие опьянения: «У Назара Петра так усердно угощали, что он не в силах был идти домой и его Назар с Левком свели под руки» (189).

Походы по гостям начинаются с ближайшего родственного окружения. На следующий день собрались уже у приемных родителей молодого мужа Насти. «В сумерках прибежал Ванька и стал звать Петра с молодухой, сказав, что у них будут гости, что мать с утра стряпает, а отец купил вина и все это для угощения Петра. <...> У Спиридона были гости, сваты и сватья разные, да Назар с женой и ребятишками. По приходе Петра тотчас же началось угощение водкой. После первых двух стаканов Петр пробовал было отказываться, но его не слушали и принуждали пить как можно больше. Вскоре он сделался весел и разговорчив, шутил и целовался с бабами, хлопал их, мешал им прясть и рассказывал разные анекдоты и бывальщинки» (192). Таким образом, к противоположности — дома/в гостях — привязаны эмоции героя. По замечаниям исследователей, «амплитуда перепадов» эмоционального состояния рекрут была «огромна»: от безудержного веселья, которое Петр демонстрировал в гостях у отца, — до горя, слез и скуки (дома «во как скучно», от взгляда жены «жутко»)¹⁰.

Кирпищикова показывает, что в основе рекрутского обряда, и прежде всего гостевания, находилась родственная солидарность. «Как ему и не поить тебя, не один раз должен напоить, потому за него погибашь» (191), — говорит Петру о Назаре Настина подруга Дарья. Однако ближайшей родней круг посещений не ограничивался: «Петр пошел по своим родным и знакомым прощаться. Везде его угощали на прощанье и он наугощался так, что насилу приплелся домой». «Так в пьянстве и в расхаживании по гостям прошли и остальные дни» (193), — итожит Кирпищикова времяпрепровождение своего героя.

Период проводов, таким образом, происходит в постоянном движении, в перемещениях. Вокруг все двигается, суетится, в орбиту обряда втягиваются жители селения или даже ближайшей округи. Тем более активной должна быть жена рекрута. Настя же ведет себя абсолютно неправильно: она пребывает в оцепенении, которое не желает снимать традиционными способами, пить отказывается. Бросается в глаза, что пространство обряда, включая в себя жилища близких и дальних родственников, просто знакомых, обходит Настину избушку. Молодая супруга пирушку по поводу отправки мужа не делала, ничего не «стряпала» и вина не покупала. Ее роль ограничивается посещением вместе с мужем собраний в домах ближайшей родни, где она была почетной гостьей. Только один раз Петр привел гостей, но ими были не родственники (т. е. это не было ответным гостеванием, столь знакомым русской традиции), а его «друзья по несчастью». Вернулся он поздно «...и притом не один, а с двумя другими рекрутами, и всю-то ночь они пропели песни, приплясывая

и подыгрывая на балалайке, которая имелась у одного из рекрутов» (193). Достаточно «спокойное» поведение по сравнению с хорошо известными по этнографической литературе бесчинствами и безобразными выходками компаний рекрутов, терроризирующих округ, подтверждает наблюдения исследователей о том, что женатые рекруты, как правило, не участвовали в гуляниях.

Уже тема гостевания и пьянства показывает, что проводы в армию ложись тяжелым финансовым бременем на родственников, которое те несли «совершенно безропотно»¹¹. Родня Петра также потратила на него значительные средства. Кирпищикова детально освещает данный вопрос в «городской» части проводов: «Ко дню отправки рекрутов приехал Спиридон. Он купил вина и угощал унтер-офицера, у которого Петр был под начальством, даже дал ему денег и просил его не быть строгим и взыскательным к Петру. Настасья тоже отдала Петру еще дома все оставшиеся от свадьбы деньги...» (195).

Непосредственно в сцене прощания в день отъезда сходятся все обрядовые темы: плача, пьянства, праздничного времяпрепровождения, родственной и общинной солидарности и даже пассивности рекрутов. Настя ехала провожать мужа до города. «Спиридон прилепился на козлах с ямщиком. Назар и Левко с бабами бежали за саними до конторы». «На площади у конторы было очень шумно. Бабы ревели, причитая как над покойниками, мужики угощали водкой рекрутов, уже и без того пьяных, и угощались сами, громко охая и разговаривая. Стали прощаться: рекруты кланялись в ноги старшим, со всеми целовались, некоторые из них были до того пьяны, что не могли сами сесть в сани и их положили мужики, другие пели песни, играли на гармониках». Те, кто мог еще держаться на ногах, исполнили последнюю формальность — «пошли прощаться к приказчику»: «Приказчик перецеловался с ними по три раза, посоветовал усердно служить, не грубить начальству, не забывать родных, подал им по стакану водки и отпустил» (193–194).

Посещение представителя власти было тоже своего рода благословением после обычного благословения, когда «рекруты кланялись в ноги старшим». Исследователи обряда подчеркивают, что в его драматургии оно являлось кульминационной точкой. Это самый напряженный момент всего действия — момент коммуникации с сакральным. От того, насколько правильно и гладко проходил этот акт, зависела его успешность и, соответственно, судьба уходящего. Кирпищикова также уделяет ему много внимания. Но трактовка благословения в повести совсем другая, нежели, например, у И. В. Шерстобитова. Автор «выносит» этот эпизод на улицу и сталкивает в нем не родителей и сына, а бабушку и внука. Бабушка одного из рекрутов, Савельевна, гостила в деревне и, приехав, узнала, что внука «увозят в солдаты». Седую старуху «в заскорузлой овчиной шубе и белой тряпиче на голове» притащили на место проводов «под руки» две бабы. Она обратилась к «сдатчику» (лицу, ответственному за «сдачу», — отправку рекрутов). «Проститься-то, батюшко, охота, проговорила запыхавшаяся старуха: — мне ведь уж больше не видать его, хоть погляжу

на него, голубчика, в последний раз. Я старуха старая, може, скоро умру, а то, може, его убьют на войне-то». «Савельевна искала своими тусклыми, старческими глазами внука; вот он вылез из саней с помощью отца, пьяного не меньше его, подошел к бабке и повалился ей в ноги. Старуха завывла, припадая к нему и причитая... Ее подняли, подняли и внука, заставили старуху перекрестить его, после чего она припала своими иссохшими губами к его голове и, охватив его своими костлявыми, морщинистыми руками, не хотела отпустить... Старуху оторвали от внука и отвели к конторскому крыльцу, а парня положили в сани и стали съезжать с горы. Тотчас от конторы надо было своротить налево и ехать под гору. Пока спускались с горы, отцы, матери и другие родственники рекрутов бежали за санями...» (194–195).

В то время, когда создавалась повесть, получивших жребий отправляли в городское рекрутское присутствие, которое окончательно решало вопрос об их годности к военной службе и отправляло либо в армию, либо обратно домой. Автор повести умело пользуется подобной раздвоенностью: второе (малое, последнее) прощание в городе играет роль промежуточной развязки. Оно вновь строится по принципу схождения (упоминания) всех тем: «Петра опять подпоили на прощанье: он кланялся в ноги Спиридону, обнимался и целовался со всеми знакомыми, съехавшимися проводить рекрутов, и обнимал и целовал Настасью, и выл как баба. Настя прильнула к нему так крепко, что двое дюжих мужиков едва оттащили бедную бабу; Петра поспешили посадить в сани; крикнули Спиридону тоже плакавшему, чтоб подобрать Настасью, без чувств упавшую на снег, и ускакали» (196).

Таким образом, в полном соответствии с народным восприятием обряда, уход на действительную службу представляется Кирпищиковой как отклонение от правильного мужского жизненного сценария — завести жену, детей, стать главой семейства. Служба Петра воспринимается в повести как судьба, предопределенная высшими силами, причем как злая судьба, которая втянула в свою орбиту не только самого рекрута, но и его близких, в частности, жену Настю, в значительной степени определив ее горькую участь и раннюю смерть.

Примечания

¹ Кирпищикова А. Порченная // Современник. 1865. Т. 111, № 11–12. С. 161–254. Далее повесть цит. по данному изданию с указанием страниц в тексте в скобках.

² Шерстобитов И. В. Описание быта государственных крестьян, живущих в Чердынском уезде по правую сторону реки Камы // Перм. губ. ведомости. 1865. № 13.

³ Саламалик Н. Село Черновское // Там же. № 17.

⁴ Зырянов А. Выдержки из дорожных записок 1865 года // Там же. 1866. № 10.

⁵ Байбурун А. К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993; Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М., 2003; Кормина Ж. В. Рекрутский обряд: структура и семантика (на материалах севера и северо-запада России XIX–XX вв.): автореф. дис. ... канд. культурол. наук. М., 2000; Она же. Проводы в армию в пореформенной России: Опыт этнографического анализа. М., 2005.

⁶ Шерстобитов И. В. Указ. соч. С. 55.

⁷ Зырянов А. Указ. соч. С. 39.

⁸ Там же.

⁹ Кормина Ж. В. Проводы в армию... С. 52.

¹⁰ Байбуurin А. К. Указ. соч. С. 63 ; Кормина Ж. В. Проводы в армию... С. 50–52.

¹¹ Кормина Ж. В. Рекрутский обряд... [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/cormina3.htm>

В. В. Мароши

Новосибирск

МОНГОЛЫ В АНТРОПОЛОГИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА: ОТ РАСЫ К ЭТНОСУ

Негативное отношение к татаромонголам и своеобразие их номадической жизни восходит к общеевропейскому мифу средневекового происхождения об апокалиптических варварах-татарах. Однако Китай и Япония еще раньше демонизировали «жестоких варваров» как монголоидного Чужого. Даже двадцатый век не изменил ситуацию (см., например, описание поведения монгольских солдат в «Хрониках заводной птицы» Х. Мураками). После «Истории государства Российского» Н. Карамзина отрицательная оценка как славянофильски, так и западнически настроенной русской интеллигенцией роли «монгольского фактора» в истории России невольно распространялась и на все, что касалось современного монгольского этноса. Европейцы же, в свою очередь, видели в русских потомков ужасных «татар» («*Grattez le russe...*»). Достаточно посетить современные польские интернет-форумы, чтобы убедиться, насколько живуча традиция «монголизации» русского этноса в русле русофобии.

В этой ситуации русские интеллектуалы, жившие в крупных городах Европейской России и имевшие самое приблизительное представление о жизни сибирско-монгольской ойкумены, были настроены весьма единодушно. Ограничимся одной выразительной цитатой из письма А. К. Толстого, использованной позднее в контексте монголофобии И. А. Буниним: «...И когда я думаю о красоте нашего языка, когда я думаю о красоте нашей истории до проклятых монголов... мне хочется броситься на землю и кататься в отчаянии от того, что мы сделали с талантами, данными нам богом!»¹

Тем не менее монгольским этносом и языком именно в России интересовались всерьез: уже к середине XIX в. здесь возникло первое в мире монголоведение (Казанский, Петербургский университеты), параллельно филологическим и историческим изысканиям во второй половине XIX в. и начале XX в. несколькими экспедициями исследовалась география и этнография Монголии.